

Плач Мэй Лисянь был глухим и хриплым — на большее у неё просто не осталось сил. Юэ Цянь медленно катил инвалидное кресло; он видел, как её дрожащая рука легла на белую простыню, прикрывавшую тело. Редкие седые волосы женщины подрагивали в такт судорожным всхлипам.

— Лао Чжу... Столько лет вместе... Ну за что же это, а?

Вместе с вдовой пришла сиделка. Опасаясь, что старушка не выдержит потрясения, она шепнула Юэ Цяню:

— Бабушке Мэй совсем немного осталось. Ей нельзя так убиваться.

Е Бо взглянул на подчинённого и кивнул:

— Вывези её на воздух.

Мэй Лисянь не рыдала навзрыд и не билась в истерике, как это часто делают родственники. Она лишь снова и снова оборачивалась, бросая полные боли взгляды на изувеченное тело мужа.

— Можете мне рассказать... Как именно это случилось с Лао Чжу? — Её выцветшие глаза уставились на Юэ Цяня.

Учитывая состояние женщины, полиция поначалу не планировала проводить допрос, но раз она сама проявила инициативу, Юэ Цянь запросил разрешение у Е Бо и предложил переговорить на улице.

Неподалёку от управления находился небольшой сквер. Близились сумерки, и людей в парке почти не было.

— Бабушка Мэй, Лао Чжу каждый день привозил вам еду и лекарства? — начал Юэ Цянь с повседневных мелочей.

Старушка кивнула:

— Я говорила ему: аппетита нет, зачем столько таскать? Но он был упрям как бык. На самом деле те отвары из трав мне уже ни к чему... Я пила их только ради него. Чтобы он верил, будто делает что-то полезное.

— Вы были очень близки.

Мэй Лисянь долго молчала, прежде чем ответить:

— Когда доживаешь до наших лет, вопрос о близости уже не стоит. Какая разница?

Юэ Цянь заметил странную деталь: узнав о гибели мужа и о том, что его тело обглодали собаки, женщина не выказала бурных эмоций. Сначала он списал это на тяжелую болезнь и близость собственной смерти — мол, человеку в таком состоянии уже всё равно. Но теперь он начал понимать: возможно, их чувства давно остыли. Они просто шли по жизни бок о бок, привыкнув друг к другу как старые соседи. Забота Чжу Цзяньшоу была скорее ритуалом, данью многолетней привычке.

В любом случае, убийца явно хорошо знал погибшего. Следствие должно было сосредоточиться на круге общения Чжу Цзяньшоу, и вдова могла знать что-то важное.

— Как давно Лао Чжу страдал диабетом? — спросил Юэ Цянь.

— Еще с сорока лет. Ох и непутевый он был... Силы воли никакой, вечно не мог рот на замке удержать, — заговорив о болезни, Мэй Лисянь оживилась и пустилась в пространные воспоминания о тех временах, когда они еще работали на заводе.

Раньше в Наньхэ был огромный судостроительный завод. Теперь от него остались одни руины. И Мэй Лисянь, и Чжу Цзяньшоу были там простыми рабочими; получали гроши, жили в тесной казенной квартирке в старом доме коридорного типа.

Лао Чжу обожал жирное мясо и сладости. В те годы это считалось признаком достатка, и никто не думал, что от вкусной еды можно заболеть. До рождения Чжу Таотао в доме не было ни гроша — всё проедалось. Ради сына Мэй Лисянь запретила мужу покупать сласти, и тот, не в силах терпеть, даже ревновал жену к ребенку, постоянно затевая ссоры.

Мэй Лисянь вздохнула.

«Бедность — плохая почва для любви»

Юэ Цянь знал об этом заводе. И в его родном мире, и в этой реальности предприятие давно обанкротилось, а рабочие разбрелись кто куда в поисках куска хлеба. Как же Чжу Цзяньшоу и Мэй Лисянь умудрились разбогатеть и переехать в элитный комплекс «Цзинмэй Таюань»?

Оказалось, Чжу Цзяньшоу, при всей своей непутевости, родился в удачной семье. У него было три старшие сестры, все — хваткие деловые женщины. Поначалу их жизнь была куда менее стабильной, чем у брата-заводчанина, но когда дела на предприятии пошли под откос, вторая сестра внезапно разбогатела. Она оказалась на редкость щедрой: подтянула сестер в бизнес, а

брату просто давала деньги. Вскоре и остальные сестры пошли в гору и буквально заваливали Лао Чжу средствами.

Жизнь супругов круто изменилась. Чжу Цзяньшоу, работавший переводчиком с русского, последние годы на заводе фактически ничего не делал — заказов не было. Он просто числился в штате, получал голую ставку, но увольняться не спешил. Целыми днями он слонялся по цехам с полными карманами конфет и щедро угощал бывших коллег. Те в ответ лгисто называли его «брат Чжу». Мэй Лисянь, выросшая в нищете, хоть и пользовалась благами семьи мужа, в душе не чувствовала покоя и продолжала честно трудиться.

В тот период они часто ругались. Чжу Цзяньшоу попрекал жену тем, что она «не умеет жить красиво» и ведет себя как замухрышка. Мэй Лисянь же боялась, что удача не вечна. Сегодня сестры богаты, а завтра? На что тогда будет жить их семья?

Лао Чжу хоть и сорил деньгами, но обладал редким качеством — он знал свои пределы. Он не лез в бизнес сестер, понимая, что прогорит. Когда жена требовала отдавать деньги ей, он ворчал, но слушался. Мэй Лисянь копила каждую копейку, благодаря чему смогла пристроить сына в лучшую школу города. Ее страхи не сбылись: сестры становились всё богаче. Вторая сестра даже пообещала племяннику, что оплатит любое обучение, хоть за границей — только попроси.

Квартиру в «Цзинмэй Таоюань» тоже купили сестры. Мэй Лисянь до сих пор помнила тот день, когда они въехали. Это казалось сном, какой-то нелепой ошибкой. Там жили настоящие богачи, а они с мужем были лишь приживалами при успешных родственницах. Чжу Цзяньшоу снова смеялся над ней, говоря, что выйти за него было ее счастливым билетом.

Завод угасал, Лао Чжу забросил работу, а Мэй Лисянь продолжала ходить на смены до последнего. Она надеялась сохранить связь с коллегами и после пенсии, но когда предприятие окончательно рухнуло, всем стало не до дружбы. Люди боролись за выживание, и она, со своим безбедным существованием, быстро стала чужой в кругу рабочих. За последние годы лишь пара бывших сослуживиц изредка поздравляла её с праздниками.

Чжу Цзяньшоу, забросив дела и предавшись обжорству, окончательно заработал диабет. Мэй Лисянь места себе не находила от тревоги, а муж, напротив, гордился: мол, это «болезнь богачей», бедноте такая не по карману.

Она взяла его здоровье в ежовые рукавицы: заставляла есть пресную диабетическую еду, запрещала любые десерты. Лао Чжу бунтовал, они скандалили, и лишь когда Мэй Лисянь в сердцах пригрозила разводом, он поутих. Благодаря её настойчивости уровень сахара пришел в норму, и долгие годы обходилось без осложнений.

— Когда ему поставили диагноз, я была уверена, что он уйдет первым. А вышло вон как... Я заболела куда страшнее, каждый день ждала конца, а в итоге первой провожаю его. Видно, человеку не дано знать своего срока.

Юэ Цянь спросил:

— Лао Чжу ведь очень любил кокосовые пирожные? Особенно те, что с кремом?

Мэй Лисянь замерла, в её взгляде мелькнуло удивление:

— Откуда вы знаете?

— Мы выяснили, что незадолго до смерти он съел их в огромном количестве.

— Он... — Руки женщины, сжимавшие поручни кресла, мелко задрожали. В голосе прозвучало горькое разочарование. — То-то я смотрю, ему всё хуже и хуже в последнее время! Стоило мне слечь, как он взялся за старое! Втихаря объедался!

Юэ Цянь мягко возразил:

— Вряд ли он купил их сам. Похоже, кто-то специально принес их ему, зная его слабость. Мы не нашли никаких остатков пирожных у вас дома.

Мэй Лисянь с трудом переваривала услышанное:

— Специально? Хотели его отравить сахаром?

Следователь кивнул:

— Кто знал об этой страсти? И о том, что от лишнего куса у него начинается сильное головокружение и заторможенность?

Женщина долго молчала, глядя в пустоту.

— Я... Таотао... Его сестры... Да больше вроде и некому.

Чжу Таотао до сих пор не объявился в управлении, а сестры погибшего, судя по всему, жили не в Наньхэ. Эту ниточку еще предстояло проверить.

— Почему именно кокосовые? Где он их обычно покупал?

Мэй Лисянь горько усмехнулась:

— Его родня из города Цанлун, там море рядом и кокосов завались. У нас же они не растут, привозные всегда стоили дорого. На заводе их мало кто мог себе позволить. Когда у него завелись деньги, он обожал покупать самые дорогие орехи прямо на глазах у всех.

Любовь Чжу Цзяньшоу к кокосам питалась исключительно чувством превосходства. Вдова помнила, как после свадьбы она, ни разу не пробовавшая экзотический плод, спросила мужа о вкусе. Тот лишь фыркнул: мол, обычная сладковатая водичка, ничего особенного.

Но потом сестры разбогатели, и в Наньхэ как раз вошли в моду кокосовые десерты. Для рабочих они оставались непозволительной роскошью. Лао Чжу наслаждался завистливыми взглядами коллег, ежедневно принося на завод кокос и попивая сок вместо воды.

Тогда же в городе открылось множество лавок с кокосовыми сладостями. Чжу Цзяньшоу стал их завсегдатаем. Он покупал кокосовые пирожные килограммами, уплетал их сам и раздавал знакомым.

В этих десертах сахара и добавок было куда больше, чем в натуральном соке. На самом деле Лао Чжу любил не кокосы, а именно эти приторные пирожные. Даже после того как врачи обнаружили диабет, он не раз покупал их за спиной у жены. Мэй Лисянь плакала от злости всякий раз, когда находила записку; муж каялся, но вскоре снова срывался.

Самый страшный случай произошел несколько лет назад. Мэй Лисянь осталась на заводе в ночную смену, а на следующий день ей позвонил сын: отец в больнице. Примчавшись в палату, она узнала, что Лао Чжу, пользуясь отсутствием надзора, съел два килограмма пирожных за раз и рухнул на пол, не в силах пошевелиться.

Тогда он и сам не на шутку испугался. Никто не ожидал такой бурной реакции организма. Врачи строго-настрого запретили ему переедать сладкое — максимум один крохотный кусочек, если уж совсем невмоготу.

Лао Чжу был человеком самолюбивым. Выписавшись из больницы, он больше всего боялся, что над ним будут смеяться. Он велел жене помалкивать об этом позорном случае. Если бы сестры сами не докопались до правды, он бы и им ничего не сказал.

Юэ Цянь уточнил:

— Когда он попал в больницу, где были куплены те пирожные?

— В «Лянфэн Сишань», на улице Бэйюань. В прошлом году я проезжала мимо — лавка всё еще работает.

Следователь пометил название в блокноте.

— А как у Лао Чжу складывались отношения с сыном?

Мэй Лисянь долго не отвечала. А когда заговорила, её ответ был далек от сути вопроса:

— Дети вырастают... У них своя жизнь.

— Пока вы в больнице, за вами ухаживал только муж. Сын или невестка хоть раз навещали вас?

— Цзяхань... Эх...

Женщина поникла, словно силы окончательно покинули её. Она закрыла глаза и больше не проронила ни слова.

Отправив Мэй Лисянь обратно в палату, Юэ Цянь получил известие: Чжу Таотао наконец прибыл в управление. Но следователь не спешил на допрос. Сначала он отправился на улицу Бэйюань, в кондитерскую «Лянфэн Сишань».

Этот район находился в северной части города, далеко от элитных кварталов. Старый судостроительный завод был совсем рядом. Улица была застроена обшарпанными пятиэтажками, а крохотная лавка «Лянфэн Сишань» терялась среди дешевых забегаловок.

Когда-то популярные кокосовые пирожные с кремом давно стали пережитком прошлого. Очередей больше не было. У входа стояли два-три покупателя, все — люди преклонного возраста. На Юэ Цяня никто не обратил внимания. В витрине лежало всего пара видов сладостей: обычные кокосовые кексы и те самые, с кремом и посыпкой.

— Мне граммов триста, — бросил какой-то старик.

Юэ Цянь заметил, что покупатель расплатился наличными, и хозяин привычно отсчитал сдачу из ящика. Когда очередь дошла до него, Юэ Цянь указал на десерты с кремом:

— Мне полтора килограмма этих.

Продавец удивленно воззрился на него. Видимо, такой объем заказа от молодого человека показался ему странным. Юэ Цянь улыбнулся:

— Для старших в семье. Очень просили.

Хозяин кивнул и принялся взвешивать товар. Юэ Цянь завел разговор:

— Дядюшка, я еще ребенком здесь эти пирожные покупал. Сколько ни ездил по стране, вкуснее ваших не находил.

Старик за прилавком хмыкнул:

— Раньше ко мне очередь на пол-улицы стояла. А теперь... Кому нужны эти сладости из прошлого?

— Ну зачем вы так, старых клиентов-то вон сколько.

— Старики и ходят. Им в новинку ничего не надо, а я по-другому готовить не умею. Рабочих на заводе всё меньше, еще пара лет — и закроюсь, на покой пора.

Юэ Цянь улучил момент и показал фото Чжу Цзяньшоу:

— Дядюшка, взгляните. Знакомое лицо?

Продавец прищурился:

— Это же Лао Чжу.

— О, так вы знакомы!

Но хозяин лавки лишь недовольно скривился:

— Лао Чжу... В былые времена он был моим лучшим клиентом. Но жена у него — это нечто.

— Что с ней не так?

— Когда у него диабет нашли, она примчалась сюда и давай орать, будто это я его своими пирожными до могилы довел! Прямо здесь скандал устроила. Я-то тут при чем? Силой я в него не пихал!

— И что, он перестал к вам заходить?

— Как же, перестал он... Бегал втихаря. Только я ему неохотно продавал — не хотел, чтобы эта мегера снова ко мне с кулаками лезла.

Юэ Цянь уточнил:

— Когда он заходил к вам в последний раз?

— Хм... — Хозяин надолго задумался. — Не припомню. Несколько лет его не видел. — Он обернулся к жене в глубине лавки: — Мать, Лао Чжу заходил недавно?

— Какой еще Лао Чжу?

Они еще долго препирались, но сошлись на том, что Чжу Цзяньшоу не появлялся очень давно. Тут до продавца дошло, и он подозрительно уставился на Юэ Цяня:

— А ты вообще кто такой? Чего расспрашиваешь?

Юэ Цянь предъявил удостоверение:

— С Лао Чжу беда случилась. Провожу проверку.

Хозяин тут же занервничал:

— Опять... Только не говорите, что он снова объелся и в больницу загремел, а виноваты будем мы!

— Дядюшка, скажите лучше: покупал ли кто-то за последние дни сразу много этих пирожных?
— Юэ Цянь качнул своим пакетом. — Полтора килограмма?

Старик охнул:

— А ведь и правда! Было такое!

— Кто? У вас же есть камера? Покажите запись.

Систему наблюдения поставили только в прошлом году. Хозяин долго возился с кнопками, пока окончательно не вышел из себя:

— Да ну его к лешему! Сам смотри, я в этом не соображаю!

Юэ Цянь быстро нашел нужный фрагмент. Двадцать пятого числа, в половине пятого вечера, некий пожилой мужчина среднего роста в кепке купил полтора килограмма кокосовых пирожных с кремом. Платил наличными.

— Вы его знаете? Раньше видели?

— Первый раз вижу. Говорил с акцентом, не местный. Я еще спросил его, зачем столько берет — они же быстро черствеют. А он... странный какой-то был.

— В чем странность?

— Дерганый весь. Говорил путано, вроде как для внука берет. Но я так и не понял, чего так нервничать из-за обычных сладостей.

Скопировав видео, Юэ Цянь покинул лавку. Он постоял на улице Бэйюань, огляделся и направился к старым домам через дорогу. Цеха давно снесли, но жилые постройки всё еще стояли. В узких проулках слышался стук костей маджонга и громкая ругань игроков. Завод сгинул, но жизнь продолжалась — люди как-то перебивались, привыкая к своему незатейливому существованию.

Юэ Цянь поравнялся с группой пенсионерок. Не успел он и слова сказать, как одна из них вперилась в него взглядом:

— Молодой человек, вы к кому?

— Скажите, Мэй Лисянь еще здесь живет? — спросил он наудачу.

— Мэй Лисянь? Ой, неужто родственник объявился?

— Знакомый, — уклонился Юэ Цянь.

— Ну, тогда ты адресом ошибся. Они теперь богачи, в хоромы свои давно съехали!

В голосах старух так и сквозила нескрываемая желчь. Одна из них даже закатила глаза:

— Вот именно! Разве такие павлины будут жить в нашей дыре?

Видя, что Юэ Цянь молчит, женщины вскоре заскучали:

— А тебе-то она зачем? Видать, не больно вы близки. Или ты квартиру их выкупить хочешь?

Следователь среагировал мгновенно:

— Присматриваюсь к району. Говорят, скоро снос, ищу выгодное вложение.

— Я так и знала! — обрадовалась старуха. — Вон там их гнездо было. — Она ткнула пальцем в

сторону обшарпанной пятиэтажки. — Мы-то этого сноса как манны небесной ждем. А Мэй Лисянь... Ей-то что, она здесь сто лет не показывалась. Купишь её долю — не прогадаешь.

Юэ Цянь зашел в подъезд. Оказалось, что не только квартира Мэй Лисянь пустовала — почти весь этаж стоял заброшенным.

Собрав разрозненные сведения, он решил вернуться в управление. Нужно было узнать, не нашел ли Е Бо чего-нибудь нового.

— Ты где пропадал? Велели же учиться, а ты и след простыл! — Чжоу Сяоцзюнь перехватил Юэ Цяня у входа. — О, пирожных накопил? Нам, что ли?

— Брат Чжоу, это пока есть нельзя. Учитель Цзэн должен проанализировать состав.

Коллега тут же отпустил пакет:

— Понял, значит, делом занимался. Капитан Е сейчас допрашивает сына убитого. Иди, послушай.

Юэ Цянь сначала заскочил в отдел экспертизы и передал пакет патологоанатомам. Учитель Цзэн удивился:

— Ты уже их нашел?

— Проверьте, пожалуйста. Есть подозрение, что это именно та лавка.

Затем он поспешил в техцентр и отдал видеозапись специалистам. Его рвение вызывало удивление у старожилов, но Юэ Цянь невозмутимо пояснил:

— Поручение капитана Е. Нужно опознать человека на видео. Постарайтесь вытянуть лицо.

Против авторитета Е Бо никто спорить не стал.

Облегченно вздохнув, Юэ Цянь подошел к комнате допроса, но входить не стал. Он направился в помещение за зеркалом Гезелла.

Чжу Таотао оказался мужчиной с вьющимися волосами, в строгом костюме и при галстукке. Вид у него был крайне изможденный. Было заметно, что он страдает от тяжелого беспокойства: нога его не находила покоя, а пальцы беспрестанно колупали кожу на руках. Он уже опознал

тело отца, но на лице единственного сына не было и тени скорби. Юэ Цянь видел лишь раздражение, тревогу и панику.

— У меня очень много работы. То, что я утром сбросил звонок — это не попытка скрыться. Я просто... я был в шоке, не сразу сообразил. У матери после болезни психика совсем слабая, ей постоянно нужно мое внимание, вот она и звонит без конца. Но где мне взять время?! Я нанял ей лучшую сиделку, я плачу огромные деньги, но ей всё не так! — Он начал с жалоб, голос его дрожал и срывался. Мужчина снял очки и вытер пот со лба. — Простите. К такому невозможно подготовиться.

Е Бо спросил:

— Вашего отца зверски убили. У вас есть какие-нибудь предположения, кто мог это сделать?

— Я... — Сын замялся, а затем горько усмехнулся: — Можно я буду честен? У нас с детства отношения, мягко говоря, не заладились. Кому он успел насолить — понятия не имею. Спросите мать, она наверняка в курсе его дел.

— Ваша мать сейчас не в том состоянии, чтобы давать показания. Поэтому мы надеемся на вас, — ровно произнес Е Бо. — Я изучил вашу биографию. Если бы не деньги Чжу Цзяньшоу, вы бы, скорее всего, повторили путь большинства детей рабочих: ПТУ и завод. Отец обеспечил вам отличный старт, но вы, похоже, не испытываете к нему никакой благодарности?

Мужчина лишь покачал головой:

— Капитан Е, вы, верно, выросли в очень благополучной и любящей семье. Деньги — это далеко не решение всех проблем.

— И в чем же была ваша проблема с отцом?

— Я... — Сын опустил взгляд на свои руки. — Я считаю, что он был никудышным отцом.

Он рассказал, что в детстве был тихим и забитым ребенком. Отчасти из-за характера, отчасти из-за атмосферы в доме. Он любил мать, Мэй Лисянь — она была как все: трудилась не покладая рук и тянула на себе хозяйство. А отец... Чжу Цзяньшоу постоянно попрекал его плохими оценками, бил за малейший промах и вечно хвастался своим знанием иностранного языка. «Как у такого умного меня мог родиться такой идиот?» — это было его любимым присловьем.

Мальчик видел, что мать тратит всё до копейки на семью, а отец припрятывает деньги. Когда семья разбогатела благодаря тетке, Лао Чжу окончательно забросил работу. Он целыми днями возился с деликатесами, а сына заставлял ходить по репетиторам, требуя, чтобы тот был первым в классе. Когда Таотао не справлялся, его ждала порка.

Тетки присылали всё больше денег, и мальчика безвольно толкали вперед. С посредственными знаниями, но благодаря огромным взносам, он попал в лучшую школу города. Среди одаренных сверстников он чувствовал себя ничтожеством. Университет тоже оплатила вторая тетка. Его отправили на престижный тогда финансовый факультет, а после диплома пристроили в брокерскую компанию. «Там крутятся большие деньги», — говорили ему.

В двадцать с небольшим он был обеспеченным молодым человеком с мягким характером. Он пользовался успехом у женщин.

Но он ощущал себя марионеткой. Вся его жизнь — от учебы до карьеры — была расписана отцом и тетками. У него не было права голоса. И когда пришло время жениться, он понял, что даже невесту ему выберут другие.

Вокруг него вились толпы охотниц за приданым. Чжу Цзяньшоу и тетки устраивали им настоящие смотрины, оценивая каждую претендентку как породистую кобылу. Ему было тошно от самого себя. Он полюбил простую девушку, воспитательницу в детском саду по имени Линь Цзяхань. Она была из самой обычной семьи, отец — простой работяга. У нее не было ни единого шанса пройти проверку у его теток.

Он умолял мать помочь, но Мэй Лисянь, хоть и смела спорить с мужем, перед сестрами Чжу всегда трепетала. Таотао остался один. Он ненавидел отца, презирал мать за слабость и проклинал своих богатых теток.

Тогда он совершил единственный в жизни поступок: твердо заявил, что женится на Линь Цзяхань или уволится и исчезнет.

Свадьба была тихой и скромной, тетки на нее не пришли. Но он был счастлив с любимой женщиной. Он клялся, что обеспечит жене и детям достойную жизнь, не зависящую от капризов родни.

Вскоре родились близнецы. Появление внуков смягчило сердце Лао Чжу, а может, он просто постарел. Он принял Линь Цзяхань, и наступила идиллия: три поколения семьи под одной крышей, внуки часто гостили в «Цзинмэй Таоюань».

Но когда Чжу Таотао наконец поверил, что жизнь наладилась, жена ему изменила. Это был сокрушительный удар. На его отчаянное «почему?» Линь Цзяхань ответила спокойно и холодно. Она сказала, что он — скучный и бесцветный человек, который так и не смог выйти из тени своего отца. Она просто не могла больше это выносить.

Он издал сухой, надтреснутый смешок. Он посмотрел на Е Бо, а затем — прямо в камеру, за которой скрывался Юэ Цянь.

— Вот такая у меня семья. Как я должен был его любить? Когда он умер... знаете, я вздохнул с облегчением. Правда.

<http://bllate.org/book/15837/1439839>